

Мировой порядок и асимметрии международных интеграционных процессов

Тезисы доклада

I. ГЛОБАЛИЗМ И МИРОВОЙ ПОРЯДОК

1. *Глобализм во всех его проявлениях*, в т.ч. как глобальное разделение труда, глобальные коммуникации, глобальное информационное пространство является главным трендом эволюции нашей цивилизации.
 - *Глобальный, основанный на либеральных ценностях, универсализм* (политическая демократия и свободы, уважение прав личности, свобода масс-медиа, главенство закона, экономическая и политическая конкуренция, разделение властей и т.д.) остается мерилем цивилизованности и гарантом успешного развития государства. И это остается константой успешного развития, несмотря на появление новых глобальных акторов, еще вчера находившихся в «третьем» мире, а сегодня стоящих на путях демократического транзита (Индия, Китай, ЮАР, «азиатские тигры»).
 - Это верно, что США и Европейский Союз не являются более эталонами цивилизованности и успешного развития. Но эталонами не являются ни Китай, ни Индия, ни Северная Корея.
 - Глобализация не прекращается, а принимает иные формы.
 - Т.е. речь не идет о крахе «либерального» порядка. Он как бы распался на массу сегментов, которые вошли в плоть современной цивилизации, стали «своими» ценностями для всего человечества.
 - Идет процесс *взаимной конвергенции* цивилизаций и политических систем. В Евроатлантическом мире партийно-политический ландшафт перестает быть классическим (политические партии выдавливаются популистскими движениями, наблюдаются тенденции к авторитаризму). В 2016 г. Демократический индекс журнала «Экономист» понизил оценку США до уровня «недостаточной демократии» (*Democracy at the Crossroads // Global Challenges*. URL: <http://globalchallenges.ch/issue/2/democracy-at-the-crossroads/>).
 - Напротив, Китай пользуется всеми преимуществами глобальной экономики. Китай продолжает получать дивиденды от свободного мирового рынка и говорит о «новой волне глобализации» с решающим китайским участием в глобальном управлении (He Yafei. *China's role in steering the future of globalization // The Telegraph*. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/world/china-watch/politics/role-in-steering-globalisation/>). Замысел китайской модели заключается в том, чтобы соединить западную и восточную цивилизации в эпоху глобализации. Глубокая интеграция, «открытость и включенность» китайской модернизации в глобализационные процессы рассматривается китайскими аналитиками как проявление «мягкой силы» (Cui Liru. *Peaceful Rise: China's Modernisation Trajectory // The International Spectator: Italian Journal of Inter-national Affairs*. 2012. Vol. 47. Issue 2. P. 14–17).

- **Индия, Индонезия** внедряют и придерживаются парламентских форм демократии. Эти страны прагматично и избирательно используют накопленный опыт либерального мира. Правящие элиты этих стран исходят из того, что «третий путь» означает для них возвращение в «третий мир», из которого они пытаются вырваться.
 - **Европейский Союз** оценивает международную обстановку как сложную и неопределенную, в которой невозможно полностью устранить международную неопределенность. В «Глобальной стратегии Европейского Союза» 2016 г. устойчивость (resilience) рассматривается как внутренняя способность обществ преодолевать кризисы, используя не внешние ресурсы, а самоорганизацию, внутренние возможности и ресурсы. Новая парадигма устойчивости требует от ЕС проявлять сдержанность по отношению к другим международным субъектам и не использовать принуждение как способ распространения либеральной модели.
2. *В реальности современный мировой порядок не является более ни однополярным, ни многополярным. Новый мировой порядок складывается как «мир регионов».*

А. Ачария в книге «Конец американского мирового порядка» вводит в научный оборот понятие «мультиплексного мира» (**multiplex world**). Ачария подчеркивает, что речь идет именно о многосоставном, а не многополярном мире и полагает, что современный мир является более сложным, чем это было при американском либерально-гегемоническом порядке (american-led liberal hegemonic order). «...мультиплексный мир – это мир взаимосвязей и взаимозависимости. Это не унитарный глобальный порядок, либеральный или иной, а комплекс перекрестных, если не конкурирующих, международных порядков и глобализмов». (Acharia A. *After Liberal Hegemony: The Advent of a Multiplex World Order* // *Ethics and International Affairs*. URL: <https://www.ethicsandinternationalaffairs.org/2017/multiplex-world-order/>)

II. СОВРЕМЕННЫЙ МИР - «МИР РЕГИОНОВ»

Особенности конструирования **старых и новых регионов**:

1. Географический фактор утрачивает свое прежнее значение, поскольку более не существует естественных преград для регионов.
2. Регионы перестали формироваться только на общности ценностей.
3. При формировании новых регионов или переформатировании старых преобладают **интересы**, которые могут формироваться на самых разных основаниях: устойчивое и безопасное развитие региона, понимаемое как (энергетическая безопасность, устойчивое экономическое развитие, доступ к водным и иным ресурсам, борьба с нелегальной миграцией, инвестиционная политика, создание внешнеполитических балансов против великих держав, гуманитарное сотрудничество и др.).

III. РЕГИОНАЛИЗМ И СОВРЕМЕННЫЕ РЕГИОНЫ

1. Глубокий прорыв в *теоретическом осмыслении* глобальных и региональных процессов. В широком контексте А.В. Картунов определяет формирующуюся новую реальность как «неомодернизм». Локомотивом многих современных процессов он считает возникновение ситуации, в которой «речь сегодня идет не столько о развитии, сколько о выживании, не столько о процветании, сколько о безопасности» (Картунов А. От постмодернизма к неомодернизму, или Воспоминания о будущем // Российский совет по международным делам. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ot-postmodernizma-k-neomodernizmu-ili-vozpominaniya-o-budushch/>)
2. Сегодня «властителями умов» для исследователей регионов являются Джозеф С. Най-мл., Барри Бузан, Амитав Ачария, Фредрик Сёдербаум, Татьяна Берцель, Бобо Ло и др.
3. Наиболее значимые выводы:
Превалируют современные формы конструирования регионов – «мягкий регионализм».

IV. УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

1. Адекватно воспринимать глобальные и региональные процессы, используя в качестве методологических инструментов современные теории.
2. Соперничество с США или условным «Западом» за геополитическое лидерство лишено рационального смысла. Это, скорее, работа подсознания или «операция прикрытия» внутривластных планов и интересов.
3. За исключением Сирии, Афганистана, некоторых зон в Африке, ограниченных зон постсоветского пространства реформирование регионов и установление доминирования происходит на основе использования невоенных инструментов, а торговых, экономических, финансовых и др.
4. На заседании Петербургского международного экономического форума 17 июня 2016 г. Президент В.В. Путин заявил о наличии мегапроекта «**Большого евразийского партнерства**» (Путин В. В. Выступление на пленарном заседании XX Петербургского международного экономического форума, 17 июня 2016 г. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178>).
5. Целью мегапроекта является превращение России в главный центр интеграционной активности и экономического притяжения в Большой Евразии. В первом случае речь идет о «многоуровневой интеграционной модели», «сети партнерств». Во втором случае - Евразийское экономическое партнерство как многосторонний институт по типу АСЕАН, ЕАЭС.
6. При реализации проекта Россия столкнется с новыми вызовами и угрозами. Надо научиться работать в конкурентной среде. К примеру, растущая экономическая зависимость Центральной Азии от Китая и усиление влияния

политики безопасности Китая в регионе могут спровоцировать напряженность между КНР и РФ.

Доля Китая и России в торговом обороте Казахстана: 13% к 20%, Киргизии: 29% к 18%, Таджикистан: 23% к 26%, Туркменистан: 44% к 7%, Узбекистан – 21% к 16%. In the 1990s, total trade between China and Central Asia was less than \$1 billion annually. By 2017, the figure had reached \$30 billion, compared with \$18.6 billion in total trade between Russia and Central Asia. Однако Remittances, for example, are still a mainstay of Russian economic influence in Central Asia.

Нет времени говорить о том, как изменилась ситуация на энергетическом рынке Центральной Азии в пользу Китая.

Но не все так конфликтно с Китаем в Центральной Азии. China's rise as a trade and investment partner in Central Asia does not necessarily conflict with Russia's interests and strategy in the region. Since the end of the Soviet Union, Russia hasn't been a major investor in infrastructure in Central Asia, nor does it have the kind of capital that Beijing has to develop such projects. In addition, Russia doesn't need Central Asia's raw materials the way China does, and China doesn't need the region's low-wage labor force the way Russia does. The two countries' different economic structures and imperatives in Central Asia are in many ways compatible. China's rise as a trade and investment partner in Central Asia does not necessarily conflict with Russia's interests and strategy in the region. If signs of Moscow and Beijing working against each other in Central Asia begin to emerge, they could spell the start of a strategic shift in the region and in the Russia-China relationship (Central Asia's Economic Evolution from Russia to China// <https://worldview.stratfor.com/article/central-asia-china-russia-trade-kyrgyzstan-kazakhstan-turkmenistan-tajikistan-uzbekistan>).

7. В первом и втором случае России предстоит использовать наполненный реальным опытом арсенал региональных интеграционных проектов, учесть положительный и негативный опыт строительства региональных институтов.

Выводы. Задача экспертного сообщества: изучать региональные процессы, механизмы и целеполагание великих и малых государств, обобщать и готовить рекомендации.